

КАЗАХСКИЙ ИСХОД

Глава 4 МОЛОДОСТЬ КАЛИБЕКА И ХАМЗЫ

Примерно в двустах пятидесяти милях к югу от Алтайских гор, места рождения Оспана, находится город Манас, куда приезжают что-то купить или продать казахские кочевники, уйгурские декхане и другие насельники здешних мест. Пока город не поразила гражданская война, в нем проживало около сорока тысяч человек. Располагается он в пятидесяти милях к западу от Урумчи, столицы провинции, у развилки трех дорог, ведущих к советской границе.

Манас – административный центр района, которому он дал свое имя. Манасом называется и река, протекающая через город. Начало она берет в верховьях Тянь-Шаня, к северу от большой горной цепи которого и разместился этот город. Вбирая в себя тысячи больших и малых потоков, рождающихся в ледниках, река стремительно несется вниз и всего в нескольких милях от города вырывается из ущелья, чтобы разлиться в широкое русло, через которое теперь перекинут длинный деревянный мост, насчитывающий никак не меньше девяти арок. Преодолев всего несколько миль по горному руслу, река спускается больше чем на десять тысяч футов, ведь город Манас расположен на высоте приблизительно две тысячи триста футов выше уровня моря, на семьсот футов ниже, чем Урумчи, который стоит на высоте три тысячи футов. Позади обоих городов возвышаются покрытые девственно чистыми снегами величественные пики и зубчатые хребты Тянь-Шаня – Поднебесных гор, высшая точка которых – гора Богдо-Ула (Опора Бога) на юго-востоке от Урумчи.

Несмотря на свою мощь, Манас никогда не достигает моря, а скоро иссыкает в топях и бескрайних зарослях тростника, вырастающего до двадцати футов в высоту и служащего укрытием для диких зверей. Здесь человек должен быть очень осторожным, чтобы его не растерзал дикий вепрь или, если не повезет, тигр, стерегущий покой своей самки или выводка. Впрочем, тростник бывал убежищем и для тех, кто скрывался от когтей власти, и был очень удобен для устройства засад, когда эти же беглецы хотели отомстить, что они и делали с короткими перерывами на протяжении всех пятидесяти лет, о которых рассказывает эта хроника.

В настоящее время, однако, нас интересует не нижняя часть реки Манас, а один из ее главных притоков – Кызыл-Узень, который формируется прямо в древней гряде из дюжины или больше небольших ручейков, каждый в ширину двадцать

или тридцать футов, но в глубину лишь около четырех футов. Истоки Кызыл-Узенья находятся в больших ледниках трех вершин. Возвышаясь на двадцать тысяч футов, эти три горы – Три Сестры стоят рядышком над северной равниной, где располагается Манас – на шестнадцать тысяч футов ниже, при том что расстояние до него меньше пятидесяти миль.

Обычно воды Кызыл-Узенья, питаемого ледниками, кристально прозрачны. Но после дождя, смывающего со склонов различные примеси, они становятся кроваво-красными из-за латерита. Отсюда и название Кызыл-Узень – Красный Поток.

Долина Кызыл-Узенья изобилует высокой душистой травой, и казахи-кочевники выпасали там свои стада, пользуясь моментом, когда китайские солдаты не прогоняли их, что последние время от времени делали. Казахи кочевали в течение летних месяцев к верхней части долины, а к зиме возвращались в низовья, так же, как делали это их соплеменники на Алтае. Здесь, на берегах Кызыл-Узенья, родился в 1908 году Калибек, а в 1922-м – Хамза, двое лидеров, боровшихся позже на стороне Оспан-батыра за независимость казахов.

Ранние годы Калибека прошли сравнительно мирно. Его отец, Рахимбек, являлся родовым должностным лицом, делом которого было не сражаться с китайцами, но урегулировать споры с ними и при необходимости подкупать, чтобы умирить их аппетиты при сборе налогов. Рахимбек воспитывал сыновей в казахских традициях того времени, и поэтому Калибек с десяти лет ходил в школьную юрту, содержащуюся муллой. Кроме того, мальчику поручили присматривать за отцовскими отарами, как только он стал способен это делать, и он продолжал заниматься этим до тех пор, пока ему, подобно библейскому Иосифу, не исполнилось по крайней мере семнадцать лет.

Воспитание юного Хамзы было совершенно иным. Его отец умер, и мальчика в семилетнем возрасте отвезли на попечение к старшему брату – Юнусу-хаджи, который был начальником тысячи у выдающегося Боко-батыра и впоследствии тесно общался с Оспаном.

Юнус-хаджи не последовал за Боко-батыром в Тибет. Возможно, потому что соблазны партизанской войны были слишком сильны для него, и он предпочел ее возбуждающие кровь впечатления простым удовольствиям сомнительного земного рая где-то за широкими пустынями и высокими горами, где он мог бы день за днем мирно пасти свои стада. Поэтому-то ранние годы Хамзы, и более того – первые тридцать лет его жизни, прошли в атмосфере почти непрерывных сражений. Придя в школьную юрту в год смерти отца, он оставил учебу через три года, в 1932-м, когда ему исполнилось десять, так как его брат присоединился к смешанным группам местных мусульман, которые восстали против правительства китайской провинции. В партизанской войне, которую вели кочевые казахи, принимали участие не только мужчины-воины, но также и женщины и дети, и всюду, куда бы их ни привел военный поход, с ними были большая часть их стад и отар и их переносные дома.

Таким образом, два года – с десяти до двенадцати лет Хамза постоянно был в движении. Порой вместе с братом, вооружившись захваченной винтовкой, или револьвером, или даже саблей, он участвовал в боях. Не менее важно, что он научился разбирать большие войлочные юрты и грузить их со всем содержимым на спины верблюдов и крупного рогатого скота меньше чем за четверть часа, когда

необходимо было спешить, чтобы не попасть в руки врага. Он взял за привычку класть рядом с собой винтовку, боеприпасы и саблю, так же как уздечку и седло, где бы ему ни пришлось спать, – чтобы всегда можно было дотянуться до этих жизненно важных предметов.

Насколько преуспевал маленький Хамза в роли партизана, можно судить по присвоенному ему прозвищу – Ушар, что буквально можно понять как «умный летун», другими словами – шустрый как муха.

Хамза рассказывал, почему, насколько он помнит, его брат именно тогда взял в руки оружие. Китайский губернатор Синьцзяна – Ян Цзэнсинь, против которого тщетно боролся Боко-батыр, был убит в 1928 году своими китайскими же соперниками. Казахи уважали его почти так же, как Том Браун¹ уважал директора школы – как «скотину, но праведную скотину», или, если совсем точно, скотину, с которой разумно обходиться уважительно. Однако режим, установившийся после смерти Ян Цзэнсиня, скоро начал притеснять казахов и других местных мусульман, таких как уйгуры, а также дунган, которые были не тюрками, а китайцами. В то же время начались волнения и в других северо-западных областях Китая, граничащих с Синьцзяном, где дунганский генерал Ма Чжуньин поднял флаг восстания в 1929 году и достиг такого успеха, что однажды фактически объявил независимую республику Восточный Туркестан и попросил у великих держав признать ее. Вскоре его отряды были у ворот Урумчи, однако захватить город не смогли.

Юнус-хаджи находился достаточно близко к месту действия, чтобы ощутить пульс войны, грохотавшей за толстыми войлочными стенами его юрт на берегах Кызыл-Узенья. А идея независимости воспламенила его горячую кровь. Генерал Ма был дунганином и, предположительно, мусульманином, хотя и китайским. Юнус-хаджи полагал, что, с казахской точки зрения, китайский мусульманин лучше, чем просто китаец. Поэтому он собрал своих приверженцев, свое семейство, включая Хамзу, свои стада и вознамерился участвовать в борьбе за независимость – но не под началом генерала Ма Чжуньина, а рядом с ним.

Имя Ма означает «лошадь», оно распространено в основном среди китайских мусульман, и тут или там в ходе нашего рассказа появятся другие генералы с фамилией Ма. Конкретно этот генерал Ма был известен как «Большая лошадь», и его подвиги достаточно весомы, чтобы слава о нем перескочила через пустыни и горные барьеры, окружающие эту часть Китая, и вышла во внешний мир. Но эти деяния в основном лежат за рамками нашей книги, которая касается их лишь в той мере, в какой они затрагивают борьбу казахов за независимость.

Когда Юнус-хаджи присоединился к повстанцам в 1932 году, он послал Оспану сообщение, побуждая его примкнуть к ним. Оспану было тогда уже тридцать три года. Будучи чуть моложе Юнуса-хаджи, он оказался намного дальше от сражений, так что гул пушек не достиг его ушей, чтобы возбудить дух борьбы. Следовательно, он был способен взвесить все «за» и «против» несколько отстраненно. Поэтому он увидел генерала Ма в совершенно ином свете, нежели Юнус-хаджи. Для Оспана существенным фактором было то, что генерал Ма, хотя и мусульманин, но все же китаец. Оспан не мог позволить себе принять китайскую помощь, довольствуясь крохами лидерства в казахской борьбе за независимость. Я не уверен, что он вообще когда-нибудь мог полностью принять

¹ Герой хрестоматийного романа Томаса Хьюза (1822–1896) «Школьные годы Тома Брауна».

ее. Как, в некотором смысле, и Юнус-хаджи, который вел собственную борьбу против китайского правительства, не особо заботясь о том, что делает Большая Лошадь Ма.

Этот мятеж примечателен тем, что был первым, где уже отчетливо ощущалась рука советского правительства, хотя, конечно, он был очень далек от того, чтобы считаться первым русским подстрекательством на китайской территории. В этом отношении красная Москва унаследовала политику белого Санкт-Петербурга взяв ее за основу и лишь обновив методы. Многие белые бежали из России в китайскую провинцию Синьцзян, спасаясь от красных, когда рухнул царский режим. Но очень скоро они обнаружили, что разрываются между любовью к России и ненавистью к большевизму, а Москва оказалась хитроумной смесью того и другого. Так что присутствие белых русских помогало советскому правительству в осуществлении его планов получить контроль над провинцией, но мешало в другом. Этот факт необходимо упомянуть здесь, потому что он помогает предстать фон, на котором разыгралась казахская эпопея.

К 1934 году, то есть спустя два года с того момента, как Юнус-хаджи вступил в борьбу, обещавшую казахам независимость, самым влиятельным человеком в провинции стал Аapresов, советский генеральный консул в Урумчи. В то же время некто Погодин, тоже русский, организовал тайную полицию, с помощью которой китайский губернатор терроризировал край. При умелом руководстве этих двух людей возникла целая сеть коммунистических ведомств, снабженных российскими советниками: некоторые из них прибыли через китайскую границу как белые, другие – как эксперты, присланные Москвой. Но никто из них, конечно, не показывал, что он имеет отношение к красным.

Большую Лошадь Ма отогнали от ворот Урумчи в 1932-м, потому что преемник убитого губернатора Яна – генерал Цзинь Шужэнь без ведома китайского правительства заключил секретное соглашение с советским правительством и получил оружие в обмен на предоставление специальных торговых уступок русским и разрешение включить советников в различные ветви провинциального правительства. Таким образом, белые русские солдаты, выступавшие на стороне генерала Цзиня против Большой Лошади Ма, были фактически вооружены красной Россией. Очень скоро они тоже оказались под контролем красных русских.

В то же самое время советское правительство тайно поставляло оружие и Большой Лошади Ма, прилагая максимум усилий, чтобы укрепить национальное сознание казахов, уйгуров, монголов и других народов Восточного Туркестана и использовать против китайцев как политическое, так и военное оружие. Как царская Россия поставляла оружие Боко-батыру, так коммунистическая Россия теперь снабжала им Юнуса-хаджи и Оспана.

Секретное соглашение с генералом Цзинем, очевидно, не принесло ожидаемого советским правительством результата, поэтому он был свергнут 12 апреля 1933 года. В следующем году Москва поощрила Большую Лошадь Ма возобновить осаду Урумчи, – и новый китайский губернатор, Шэн Шицай, поспешил последовать примеру предшественника и попросил о помощи снова Москву, а не собственное правительство. На сей раз Советы нацелились на кусок пожирнее, и очередное соглашение практически превратило китайскую провинцию Синьцзян в советскую колонию. Шэн, между тем, обратился с декларацией к местным народам, обещая избавить их от обид.

Однако очень казахи скоро обнаружили, что обиды множатся, вместо того чтобы сокращаться. Тринадцать тысяч китайских «добровольцев», бежавших из Маньчжурии в Сибирь, спасаясь от японцев, пересекли советско-китайскую границу на Алтае и в других северных районах, где обитала большая часть казахов, и начали «усмирять» их именем Шэна. Казахи прокляли губернатора, считая его виновным в поведении «добровольцев», хотя те были обучены и вооружены русскими.

Пока все это происходило в отдаленных частях провинции, ее правительство попало под полный российский контроль. Так казахи – наиболее индивидуалистический народ на земле – внезапно оказались лицом к лицу с коммунизмом, навязанным коммунистическими советниками губернатора, выступавшего от имени антикоммунистического китайского Гоминьдана. Неудивительно, что казахи были растеряны и поначалу не понимали происходящего.

Это было за несколько лет до того, как казахи стали замечать, что русские, согласно образному казахскому выражению, говорят «двумя ртами», причем у каждого рта – совершенно другой язык. Один говорил от имени китайского губернатора Шэна через советников в Урумчи, постепенно заменяющих администрацию провинции на коммунистическую. Другой тайно нашептывал призывы к восстанию против провинциальных властей прямо в охотно внимающие уши местных народов через торговцев и российских агентов, которые обещали помощь в вытеснении ненавистных китайцев.

Оспан, Юнус-хаджи и другие казахские лидеры были борцами, а не политиками. Но постепенно они осознали, что их обманули и что советское правительство просто использовало их, как пешек, в политике, призванной создать такой хаос, при котором Советы смогут оправдать овладение всем Восточным Туркестаном соображениями законности и порядка. Иными словами, советская поза дружбы по отношению к местным народам была грубым жульничеством, совершаемым с единственной целью продвижения коммунизма.

Юнус-хаджи и юный Хамза боролись против китайцев, выступая на стороне Большой Лошади Ма, хотя и обособленно от него, в течение двух лет – с 1932-го по 1934-й. Помня о том, что партизаны Боко-батыра оказались не в состоянии устоять в упорных сражениях против регулярных войск, Юнус в этот период начал натаскивать казахские отряды по китайскому образцу. Полагаю, что подсказкой ему стали действия генерала Ма, чьи войска являлись в большинстве своем регулярными и были способны осаждать города. Так что Юнус пытался организовать людей для сражений в боевом порядке, чтобы успешно противостоять «добровольцам», обученным русскими и нанятым губернатором Шэном. Однако свободные казахи никогда не были искусны в борьбе такого типа, хотя позже войска, сформированные советским правительством в Казахстане, освоили подобные навыки, как и казахские рекруты, завербованные московскими агентами в Кульджинской области Синьцзяна, примыкающей к советской границе. Наше повествование в свое время дойдет до описания того, как советское правительство вышколило подчиненных им казахов для борьбы против свободных казахов, что происходило, с юридической точки зрения, на китайской территории. Это история, которая проливает свет на то, как в Азии был построен коммунизм.

К концу 1934 года китайское провинциальное правительство губернатора Шэна переломило хребет восстания генерала Ма благодаря оружию, «добровольцам»

и советникам, по-братски предоставленным Шэну советским правительством. Сам генерал Ма, раздраженный способом, каким был побежден, искал убежища в советском Туркестане. После этого он исчез со сцены. Некоторые из казахских беженцев в Турции говорят, что он стал офицером в русской армии, но наверняка мы не знаем, хотя это весьма вероятно.

Когда восстание потерпело крах, Юнус-хаджи и Хамза, которому было уже двенадцать, возвратились в Кызыл-Узень, и Хамза опять пришел в школьную юрту. Большинство казахских мятежников последовали их примеру. Однако двое из них спустя некоторое время решили, что старое пристанище слишком неудобно. Поэтому в 1936 году они свернули свои юрты, собрали гурты и стада, как это сделал прежде Боко-батыр, и ушли подальше от прежних мест обитания на равнинах и в горах Баркуля на востоке Тянь-Шаньских гор, чтобы найти свежие пастбища, где они смогли бы спокойно жить. Их имена – Хусейн-тайджи и Султан-Шариф, и мы, как уже отмечалось, встречались с ними в Турции. Однако когда их перемещение только началось, ни они, ни большинство их последователей, которых насчитывалось, возможно, тысяч пятнадцать, не помышляли, что уйдут дальше границ Синьцзяна или к Тибету.

Хусейн-тайджи и Султан-Шариф двигались почти на юг, мимо города Хами (другое его название – Кумул) – первого города в Синьцзяне после пересечения великой пустыни Гоби на пути из Китая. Затем они преодолели большую пустыню Такла-Макан, которую ни в коем случае нельзя представлять как сплошные пески: хотя большая ее часть сегодня бесплодна, но остатки мертвых городов пунктирно показывают, что не всегда было так. Как и Боко-батыр, они пришли в конце концов, как мы уже знаем, к длинному и прямому, как линейка, зловещему озеру Гасколь. На обширных территориях в местности Тимурлик к северу и западу от озера и в горах Хан-Амбал к востоку, в провинции Цинхай, они нашли хорошие пастбища. Правда, не столь хорошие, как в Баркуле. Кроме того, они обнаружили, что как раз за границей с провинцией Ганьсу находится торговый город Дуньхуан, известный знаменитыми Пещерами тысячи Будд, куда едут паломники из многих частей Китая.

Будучи кочевниками, казахи из трех провинций: Синьцзян, Ганьсу и Цинхай – выбирали лучшую для себя всякий раз, когда китайские власти в одной из них становились слишком настойчивыми в таких вопросах, как, например, уплата налогов. Когда такое случалось, казахи вместе со своими юртами и стадами просто переходили под юрисдикцию другой провинции, где чиновникам не было до них дела, пока они не привлекали к себе внимания.

Хусейн-тайджи и Султан-Шариф потеряли большую часть своего скота в стычках около Баркуля или при переходе через Такла-Макан, но вскоре снова обзавелись множеством верблюдов, овец и лошадей, став намного богаче, чем были в Баркуле. Дуньхуан, город Пещер тысячи Будд, являясь местом паломничества, был удобным рынком, где они могли продать и купить все, в чем нуждались, хотя он и находился за горами на расстоянии около семидесяти миль от них, а также более чем в семидесяти милях от ближайшей большой дороги.

Из пятнадцати тысяч казахов, что сопровождали Хусейна-тайджи и Султан-Шарифа от Баркуля, приблизительно пять тысяч покинули район Гасколя, намереваясь позже уйти маленькими группами в Индию, но я не знаю, сколько добралось туда и каким путем они шли: возможно, через Тибет и Непал, через

Лхасу и Катманду, но более вероятно, что через Хотан, Яркенд, Кашгар и горы Каракорум. Из тех, кто оставался около Гасколя, некоторые, ощущая внутреннее беспокойство, направились обратно домой; другие же ходили туда-обратно, навещая друзей, которые, в свою очередь, навещали их. Таким образом, сохранялась связь, хотя не очень близкая, между казахами, жившими близ Гасколя, и теми, кто обитал далеко на севере – в Алтайских горах и на Тянь-Шане.

Певец Карамулла был одним из тех, кто перебрался к Гасколю, а затем отправился в Индию. Но, как он рассказал мне, Индия ему не понравилась: климат этой страны оказался настолько влажным и жарким, что многие из его соотечественников умерли там от малярии, тифа и холеры. Поэтому он вернулся в Восточный Туркестан, где оставался до 1950 года, когда ход событий вынудил его выбирать между возвращением в Индию и принятием коммунизма. Ему не потребовалось много времени, чтобы выбрать свой путь. Хусейн-тайджи и Султан-Шариф сделали свой выбор в 1936 году, еще не представляя, что их врагом является коммунизм. Затем им пришлось столкнуться с той же дилеммой, что спустя пятнадцать лет решал Карамулла. Ясно поняв, как повлияет коммунизм на их образ жизни, они быстро пришли к тому же выводу, что и Карамулла.

Пройдет еще тринадцать лет на старом Шелковом пути через Такла-Макан, прежде чем Гасколь, Тимурлик, горы Хан-Амбал и Дуньхуан сыграют свою роль в казахской драме, хотя, когда наступит время, их роль будет действительно решающей. Но теперь мы возвращаемся в 1934 год в Кызыл-Узун, за семьсот миль от Гасколя, чтобы увидеть Хамзу, смышленного двенадцатилетнего паренька, имеющего опыт партизанской борьбы, а теперь упрасивающего своего брата Юнуса-хаджи послать его учиться в более солидную школу, чем аульская, которой заведовал мулла, собиравший учеников в своей юрте на их стоянке. В конце концов Юнус-хаджи согласился и отправил Хамзу в Манас, где учитель, казах по имени Абдул Латиф, чья юрта стояла на берегу реки, давал ученикам наставления «во имя Бога», как предписано в казахской «Песне школьника».

Хамза – искренний мусульманин, но его сердце начало тосковать по чему-то более обширному, чем чисто теологический подход к истории, географии, математике, да и обучению в целом. Поэтому он снова меняет школу, и на сей раз это школа в городе Манасе, которой руководит уйгур Абдул Азиз.

Национальность Абдула Азиза – показатель того, что двуличная коммунистическая политика не работала в точности по плану. Она была вполне успешной в том, что касалось настраивания местных национальностей против китайцев. Но она также привлекала их к друг другу, заставляя понять, что все некитайские жители Восточного Туркестана, насчитывающие больше девяноста пяти процентов населения края, должны сплотиться, если хотят добиться независимости.

Это было совсем не то, что имели в виду советские секретные агенты, когда они призывали местные народы укреплять национальное самосознание, поэтому начались попытки разжечь разногласия теперь уже между различными национальными группами, а также всеми ими в целом и китайцами. Москва знала, что чем лучше уйгуры, казахи, монголы, узбеки и другие научатся сотрудничать друг с другом, тем труднее будет российским коммунистам поглотить их после того, как китайский режим удастся устранить.

Абдул Азиз преподавал своим ученикам не только исламскую религию, но и давал им светское образование. После того как губернатор Шэн заключил в 1934

году соглашение с советским правительством, в школах больше не позволялось преподавать английский язык, как это делалось прежде, и по всей провинции были введены новые национальные учебники. Все они были советского происхождения, хотя шэнско-советскому соглашению едва исполнился год. Другими словами, советское правительство вело свою политику коммунизации китайской провинции Синьцзян еще до того, как было подписано соглашение с губернатором Шэном.

Новые учебники были тщательно отредактированы, чтобы открытым насаждением коммунизма не задеть чувства казахских, уйгурских и монгольских учителей и родителей. Но составители книг не упускали возможности противопоставить преимущества советской системы порокам капитализма, при котором, как давали понять жителям Восточного Туркестана, они теперь жили.

Историю крушения «Титаника», например, учебники излагали двенадцатилетнему Хамзе и его товарищам-ученикам приблизительно так:

«Был когда-то большой корабль, больше которого мир никогда не видел. Он принадлежал нескольким английским капиталистам, и они разместили на борту судна оркестр, чтобы среди пассажиров царили радость и смех. Пассажиры не думали ни о чем, кроме удовольствий. Судовая команда тоже расслабилась и небрежно исполняла свои обязанности, заботясь только о наслаждениях, вместо того чтобы выполнять свою работу.

В полночь большой корабль внезапно столкнулся с айсбергом. Оркестр быстро оборвал бурные танцевальные мелодии и начал играть духовную музыку. Но умолять Бога было бесполезно. Судно через считанные минуты погрузилось на дно океана, и только несколько из самых богатых капиталистов на борту ухитрились купить места в лодках и спасти свои жизни. Все остальные пассажиры и команда утонули.

Их печальная судьба является серьезным предостережением против капитализма. Ни один советский капитан и ни одна команда не могли бы стать виновными в оплошностях, которые погрузили «Титаник» на дно океана с потерей столь многих драгоценных жизней».

Впрочем, назидательные истории подобного достоинства чередовались в этих книгах с точными научными данными. Так, Хамза впервые узнал из советских учебников в школе Абдула Азиза, что земля – круглая. Сначала он не поверил и пошел к мулле, который ответил на его сомнения религиозными наставлениями. Мулла предостерег мальчика от веры в подобную теорию, объявив ее святотатственной. «Выйди на равнину, – сказал он Хамзе, – и оглядись. Ты увидишь собственными глазами, что земля плоская. Тот, кто уходит достаточно далеко, после многих дней пути достигает края, и если он не повернет быстро назад, то упадет».

Этот вопрос породил горячие споры не только среди учеников Абдула Азиза, но и среди людей старшего возраста. В тот период, в 1935 году, в Восточном Туркестане жили несколько западноевропейцев и индусов. Один из них случайно находился в Манасе, и его казахские и уйгурские друзья поинтересовались, что он думает по этому поводу. Он рассказал, что люди, которых он знает, плавали на судах вокруг земного шара и возвращались благополучно к исходной точке. Так что местные мусульмане решили, что в учебниках говорится абсолютная правда, и их вера в советскую непогрешимость и в других направлениях таким образом укрепились.

Хамза оставался в этой школе в Манасе два года, до 1936-го, когда Хусейн-тайджи и Султан-Шариф ушли из Баркуля и поставили свои юрты у озера, похожего на линейку. В том году казахи Тянь-Шаня вновь восстали, и Хамза скоро опять оказался в гуще борьбы.

На сей раз Калибек, бывший до сих пор чиновником, ответственным за налоговые вопросы рода, присоединился к повстанцам и стал представителем вожака десяти тысяч непосредственно при Юнусе-хаджи. Губернатор Шэн, услышав об этом, оштрафовал Калибека на миллион таэлей, сумму, равнозначную, возможно, стоимости пяти тысяч лошадей, или двух тысяч верблюдов, или четырех тысяч голов крупного рогатого скота, или тридцати тысяч овец. Естественно, он не мог уплатить такой штраф. Но мусульмане Манаса, как уйгуры, так и казахи, сочувствовавшие повстанцам, собрали деньги и заплатили их за Калибека.

Тайно спровоцированное русскими восстание распространилось широко. Участвовал в нем и Оспан с Алтая. Однако одной из центральных точек восстания был Манас, где действиями руководили трое: казах по имени Баймулла (не тот, что тесть Оспана), монгол Геген, известный как «Живой Будда» Алтайских гор, и землевладелец-уйгур Исмаил-хаджи, обширное имение – чжуанцзу которого, располагаясь вдоль дороги из советского Казахстана, заканчивалось возле большого моста через реку Манас.

Дом Исмаила-хаджи стоял у главной дорожной развязки, что позволяло ему наблюдать за всеми передвижениями между городом Урумчи, лежавшим в пятидесяти милях к юго-востоку, и советской границей, тянувшейся в двухстах милях к западу и северо-западу. Кроме того, поблизости начинались уже упоминавшиеся заросли высокого тростника, так что в случае опасности Исмаил-хаджи и два его приятеля-заговорщика могли бы в течение нескольких минут оказаться в безопасности – если, конечно, не считать опасным дикого кабана. Поэтому солдаты губернатора Шэна пусть и появлялись здесь часто, но сразу обнаруживали себя для наблюдателей из главной квартиры мятежников и успеха в поимке вожаков не имели. Несомненно, они и представить не могли, что предводители находятся прямо у них под боком.

Сам Исмаил-хаджи был пожилым человеком небольшого роста, с узкой грудью и тощей плотью на довольно хрупких костях. Его худое, аскетическое лицо окаймляла короткая черная бородка. Хотя он выглядел немощным, но являлся ярким националистом и при этом добрым, культурным человеком, к которому мусульманин любой расы мог обратиться за помощью и получить ее. Он не был фанатиком, что доказывает его дружба с монголом Гегеном. Таким образом, здесь снова видно, что советская пропаганда перехитрила сама себя. Третий член триумvirата, казах Баймулла, общепризнанный в то время политический глава алтайских и тянь-шаньских казахов, служит еще одним доказательством того же факта.

Исмаил-хаджи был землевладельцем и обрабатывал свою землю, но помимо того имел в собственности около двенадцати тысяч овец, большую часть которых отдавал в аренду на обычной основе, то есть ожидая, что арендатор будет ухаживать за животными, а в конце года вернет удвоенное по сравнению с первоначальным количество голов, оставив себе шерсть, сыр и молодняк сверх оговоренного количества, родившийся за этот период. Приблизительно три тысячи овец Исмаила-хаджи арендовали этим способом казахи рода Калибека и Юнуса-хаджи

в Кызыл-Узене, обеспечивая таким образом превосходное законное прикрытие для деятельности триумvirата.

Все время, пока эти три лидера обсуждали и согласовывали свои планы, мимо дома по дороге к Урумчи и обратно проходили грузовики, многие – с китайскими солдатами. Как правило, грузовики были российскими и везли, среди прочего, оружие – как для китайцев, так и для повстанцев. Но чаще, пожалуй, они были загружены советской техникой и оборудованием для строительства новой большой сквозной дороги от советской границы до Ланьчжоу, лежащего за пустыней Гоби – на расстоянии почти в полторы тысячи миль. Из Ланьчжоу дорога протянулась до Чунцина, тогдашней столицы Китая. Интересующий нас участок, тот, что до Ланьчжоу, был завершен в 1938 году, и он строился, а также обслуживался и управлялся советским правительством, а не китайским. Столица провинции Ганьсу – Ланьчжоу, где этот отрезок дороги закончился, находится на второй по величине китайской реке – Хуанхэ, которая впадает в Желтое море южнее Пекина. Расстояние до Ланьчжоу составляет едва ли не две трети пути от советской границы до Тихого океана. Таким образом, уже в 1938 году советское влияние в сердце Китайской Республики было весьма значительно.

Более ста тысяч казахов, уйгуров, монголов и других туркестанцев были призваны на строительство нового шоссе, не являвшегося, однако, шоссе в нашем понимании этого слова. Действительно, принципиальное отличие от старой караванной тропы, которую заменяло шоссе, заключалось в том, что оно являлось сплошной магистралью, а не прерывалось время от времени. Кроме того, оно пересекало не вброд, а по мостам ручьи и сухие русла, превращающиеся в стремительные потоки после ливней. Как только строительство дороги было завершено, пусть и без покрытия, как по ней каждую неделю стали проезжать сотни грузовых и легковых автомобилей, следуя маршрутом, бывшим раньше довольно рискованным, а время, за которое можно было достичь советской границы из Чунцина, Нанкина и Пекина, сократилось на несколько недель. До открытия дороги быстрее было добраться в Урумчи из Пекина по Турксибу и Транссибирской железной дороги СССР, нежели пересекать пустыню Гоби.

Но если построенная Россией новая дорога приблизила собственно Китай к отдаленным китайским провинциям, то одновременно она приблизила и внутренние районы Китая к СССР, поставив самую западную из провинций, Синьцзян, со всеми ее обширными неосвоенными ресурсами на волосок от того, чтобы стать частью советской империи.

Даже сегодня, в середине двадцатого века, при внешнем дружелюбии между китайским и российским режимами, обе стороны знают, что вдоль северных окраин Синьцзяна все еще существует полоса шириной примерно двести миль между Кульджой и Тарбагатаем, где пока невозможно провести границу, потому что и Китай, и Советский Союз притязают на весь участок.

Но в 1936 году дорога еще не была закончена, а планы Советов в отношении Синьцзяна пока не прояснились. Поэтому внимательные наблюдатели, которые якобы всего лишь пасли овец Исмаила-хаджи, приветствовали российские грузовики и их пассажиров как друзей. Помимо грузовиков, на базар в Манас или в более отдаленные пункты назначения тянулись длинные караваны верблюдов, груженных пшеницей, чаем, солью и, возможно, опиумом. К советской границе либо в Тарбагатай, который также называют Чугучак, либо в Кульджу, другое

название которой – Или, тоже шли караваны, в основном с шерстью. Иногда в том же направлении гнали беспорядочные гурты крупного рогатого скота и овец, ибо советская политика коллективизации подорвала животноводство в СССР, и теперь правительство забирало в огромных количествах домашний скот у населения Восточного Туркестана – главным образом, в уплату за помощь китайскому губернатору Шэну в подавлении восстания, которое советское правительство же и поощряло.

В доме Исмаила-хаджи тройка предводителей обсуждала проблемы, связанные с «краснобородыми»² – остатками китайских войск, изгнанных японцами из Маньчжурии и недавно перешедших с советской территории в Восточный Туркестан через Алтай, Кульджу и находящийся между ними Тарбагатай. Калибек и Хамза теперь были уверены, что советские власти специально обучили «краснобородых» для последующей службы в Восточном Туркестане: некоторые из них были оснащены боевым оружием, пригодным для войны против казахов в горах, а другие владели более тонким оружием пропаганды. Правда, жестокость, свойственная «краснобородым», нейтрализовала эффективность этих пропагандистов.

Казахи немедленно вступили в конфликт с «краснобородыми», потому что они, почти единственные среди восточнотуркестанцев, всегда отвечали ударом на удар и имели для этого оружие. Постепенно казахи стали рассматривать «краснобородых» как агентов коммунизма и ненавидеть их за это, так же как и за их жестокость. Юнус-хаджи был одним из первых казахов, кто осознал их политическое значение, но случилось это только через несколько лет и не в связи с его отношением к Советскому Союзу, а просто из-за образца китайского коммунизма, который представлял Шэн. К тому времени коммунизм прочно укоренился в Восточном Туркестане.

Глава 5 КАЗАХСКИЙ ПУТЬ ВОЙНЫ

Прибытие «краснобородых» из СССР было совсем не похоже на долгое, медленное переселение казахских племен, в поисках незанятых пастбищ мигрирующих из Советского Союза вместе со своими покачивающимися неповоротливыми верблюдами, груженными юртами и сундуками, со своим бесчисленным рогатым скотом, овцами и козами, со своими гуртами косматых лошадей. «Краснобородые» прибыли организованно, как солдаты, обученные и одетые в советскую униформу, вооруженные винтовками и пулеметами советского образца. Несмотря на это, прошло несколько лет, прежде чем местное население начало обвинять советское правительство в их появлении. «Краснобородые» были, прежде всего, китайцами и служили губернатору, который был тоже китайцем, даже если рядом с ним действительно работали русские советники. Поэтому казахи поначалу боролись с «краснобородыми» просто как с наихудшими бандитами из всех, каких китайское правительство когда-либо присылало в их страну: это были твари, расстреливавшие без капли жалости не только тех, кто оказывал

² «Краснобородые» – вероятно, калька с китайского хунхуэ (иероглиф 152 – краснобородый). Так называли в Китае, преимущественно на Дальнем Востоке, плутов, разбойников, конокрадов, бандитов. У русских принято было говорить хунхуз, хунхузы. – Прим. пер.

им сопротивление, но и многих других несчастных – просто ради того, чтобы смотреть, как те умирают.

«Они крали наш скот и насильовали наших жен и дочерей, перед тем как убить их, – рассказал один из казахских беженцев в Турции. – Даже местные китайцы не понимали, что они говорят, потому что те прибыли из Маньчжурии, где люди разговаривают на непривычном диалекте. Они были убийцами и головорезами, так же как и ворами. И если человек, улыбнувшись, показывал им единственный золотой зуб, они убивали его из-за этого золота».

Исмаил-хаджи, Геген и Баймулла, покуривая длинные российские папиросы и выпивая чашку за чашкой хорошо заваренный плиточный чай, долго и обстоятельно обсуждали проблему истребления «краснобородых», против которых восставала вся страна – к смятению губернатора Шэна и тайному удовольствию его российских советников. Триумvirат пришел к выводу, что, к сожалению, они не смогут противостоять «краснобородым» на равных в открытой битве. Поэтому заговорщики разработали другой план, охватывавший Алтай, Кульджу, Тарбагатай, Турфан и даже Гасколь – с Хусейном-тайджи и Султан-Шарифом, где «краснобородые», очевидно, и не появлялись. Суть этого плана была в следующем. Всякий раз, когда отряд «краснобородых» покидал свои казармы, об их маршруте следовало как можно быстрее сообщать предводителям мятежников, чтобы они могли организовать засаду. Всякий раз, когда «краснобородый» проходил через населенный пункт в одиночку или с одним-двумя товарищами, за ними следили и наносили удары ножом сзади или закидывали камнями сверху в зависимости от обстоятельств.

Такая тактика дала эффект, но привела к репрессиям. Вслед за этим волнения стали распространяться все шире, и вскоре мирные китайские торговцы и земледельцы, которые жили среди населения Восточного Туркестана уже много лет, в некоторых случаях – поколениями, оказались непосредственно вовлеченными в кровную месть против «краснобородых».

По мере того как отношения между китайцами и подчиненными им народами ухудшались, надежды России на получение контроля над Восточным Туркестаном возрастали. К 1939 году она поставила гарнизоны в ряде мест, особенно вдоль нового шоссе, как, например, в Хами, находящемся на южной стороне длинного Тянь-Шаньского хребта и более чем в семистах милях от советской границы. В марте того же года, за несколько месяцев до начала мировой войны, Советы настоятельно рекомендовали китайскому провинциальному правительству выпустить указы, предписывающие всем иностранцам, кроме, конечно, русских, покинуть Восточный Туркестан. Практически же эти указы коснулись в основном британцев и индусов. Так, ранней весной 1939 года, в самое холодное время года, тридцать три несчастных торговца, почти все индусы – и среди них девять женщин и двенадцать детей, были вынуждены уходить через перевалы Памира, достигающие шестнадцати тысяч футов в высоту. Гилгита они достигли, как сообщала «Таймс», обмороженными и обобранными.

Однако в 1936 году советские намерения все еще оставались неясными для жителей Восточного Туркестана, особенно для казахов. Их внимание было полностью занято угрозой со стороны «краснобородых». На казахов, живших в сельской местности, выпало основное бремя – устройство засад, подстерегающих «краснобородых» на марше. У меня нет сведений о каких-то конкретных засадах того

времени, но Хамза рассказывал, как его брат Юнус-хаджи учил его этому способу казахской войны. Сам Юнус научился этому у Боко-батыра, который обучал также и Оспана. Сын Оспана, Шердирман, применял данную тактику против советских и китайских коммунистов в 1953 году, и есть некоторые основания полагать, что он делает это даже сейчас, когда я пишу, а именно в 1955 году.

На пленке нашего «Репортера» сохранилась запись рассказа Хамзы о тактике казахских засад, и дальше мы приводим сокращенную версию этого описания.

«Мы всегда выбирали тактику, сообразуясь с местностью. На открытых пространствах мы громили заслон верхом на конях, налетая на врага по возможности с тыла и стреляя с седла на ходу. В горах мы оставляли своих лошадей с женщинами и детьми, а сами скрывались среди камней и кустарников. Я никогда не доверял никому, сам подбирал мужчин для атаки, а также сам выбирал им лошадей. От мужчин требовалась стрельба только на поражение: не по лошадям, но по всадникам, если это были конные, и по водителям грузовиков, а не по их пассажирам. Мы никогда не брали пленных, потому что всегда передвигались, и нам негде было держать их.

Среди холмов мы прицеливались, используя два длинных штыря, которые всегда прикрепляли к своим винтовкам. В открытом бою стреляли с седла. Мы предпринимали первую атаку с тыла, но посылали верховых и со всех других направлений. Они должны были приблизиться к врагу и по возможности завершить бой саблями. Позже, когда сабель стало не хватать, нам пришлось использовать деревянные дубинки, утыканные гвоздями. Они были почти столь же смертоносны, как сабли, следовало только научиться размахивать ими.

В горах мы всегда нападали в узком ущелье (их множество на Алтае и в Тянь-Шане), перекрывая путь отступления небольшим мобильным отрядом из пяти или шести человек после того, как враг проходил. На открытой местности мы иногда отправляли группы верховых навстречу врагу с распоряжением развернуться и мчаться галопом в направлении нашей засады, как только неприятель начнет преследовать их. Если враг попадал в ловушку, мы позволяли ему пройти мимо, а затем обстреливали сзади и нападали с тыла. Другая излюбленная уловка состояла в том, чтобы поджечь китайскую ферму и скрыться, как только мы узнавали, что местный китайский гарнизон вышел ловить нас, — а когда колонна возвращалась после безуспешных поисков, она попадала в нашу засаду».

По словам Хамзы, самой большой проблемой казахов всегда была нехватка оружия и боеприпасов. «Естественно, мы уносили все годное к употреблению оружие, которое попадало нам в руки, — рассказывал он. — Но даже в этом случае нам часто приходилось пользоваться самодельными ружьями, сделанными из обрезков железных труб, купленных на базарах. Многие наши пули были тоже самодельными: у нас имелся свинец, и мы плавил его на кострах. Такие пули летели довольно точно на расстояние до ста пятидесяти ярдов, и этого было в большинстве случаев достаточно. Но наши самодельные ружья иногда разрывались в руках, убивая тех, кто ими пользовался».

Хамза говорил: «Нападая из засады на грузовики, я никогда не направлял больше одного человека на машину. Группе было строго наказано не стрелять, пока этого не сделаю я, и, как я уже упомянул, мы стреляли только в водителей, а не в пассажиров. Как правило, мы лежали рядом с дорогой, так что едва ли могли промахнуться, хотя и совершали нападения такого рода в ночное время. Когда

водитель был поражен, грузовик обычно терял управление и опрокидывался. При этом большинство пассажиров погибали или калечились, и мы добивали их одного за другим, а уцелевшим позволяли уйти. Мы редко несли потери при таких нападениях. Если добытого оружия оказывалось больше, чем можно было унести с собой, мы прятали его, а то, что не могло нам пригодиться, разбивали и поджигали: большие пушки, тяжелые минометы и тому подобное были бесполезны без колесного транспорта, а мы не смогли бы протащить по горным тропам телеги, даже если бы они у нас были».

Каждая засада готовилась очень тщательно. Сначала казахи несколько дней наблюдали за врагом, чтобы изучить его повадки. Нередко они инсценировали нападение в пятидесяти милях от намеченного места и за день до намеченного времени, а затем скакали всю ночь, чтобы организовать настоящую засаду. Известны случаи, когда казахские партизаны преодолевали на одной и той же лошади более тысячи миль меньше чем за четыре недели.

Важность тщательной разведки Хамза несколько раз с напором подчеркнул в своем рассказе. Знать, как, вероятнее всего, будет действовать противник, по его мнению, намного больше, чем половина успеха.

«Именно так мы охотимся на диких зверей, – заключил он, – и именно такими были для нас наши враги».

Возможно, это не так уж просто. Охота на диких зверей – спорт, и каждый казах любит это занятие. В прошлом и война рассматривалась как спорт, а также как захватывающее соперничество в уме и ловкости между отдельными личностями. Но китайцы, а в особенности коммунисты, ввели другой способ ведения войны, основанный на пропаганде и пытках, на захвате невинных заложников для того, чтобы вынудить храбрых мужчин сдаться, на отравлении источников воды, чтобы как скотина, так и люди, утолившие жажду, там же скончались в муках или же оказались перед необходимостью страшного выбора – погибнуть от жажды или сдаться и быть казненными.

И все-таки я не сомневаюсь, что и Хамза, и Калибек, и Юнус-хаджи, и Оспан наслаждались участием в сражениях не меньше, чем охотой. Вот почему для коммунистов они стали столь грозными противниками. Тот же Хамза ко времени, когда он добрался в 1951 году, в возрасте двадцати девяти лет, до Кашмира, сражался не меньше чем в ста шестнадцати боях. Большинство из них заканчивались врукопашную, когда сабли были полезнее, чем винтовки или автоматы по той простой причине, что на перезарядку совершенно не было времени.

Если говорить о спортивных занятиях казахов, то самым любимым из них была охота с ловчими птицами. И тут следует отметить, что птицы эти были не ястребами и не соколами, а беркутами – ростом в два или три фута и с размахом крыльев зачастую более шести футов. Богатые казахи, да и менее зажиточные тоже, обычно несли беркута с кожаным колпачком на голове на запястье руки, одетой в рукавицу и поддерживаемой палкой, воткнутой в специальное отверстие в седле. Охота с ловчими птицами, однако, не была занятием, которым наслаждаются в одиночку, и, как правило, принять участие в забаве приглашали друзей.

История казахов не была бы полна без описания охоты с ловчими птицами, отчасти потому, что это особенность их образа жизни, и отчасти потому, что она отображает в миниатюре и иллюстрирует тактику казахских партизан в

бою. Так что позвольте нам присоединиться к охоте Калибека, Юнуса-хаджи и молодого Хамзы с ловчими птицами в Тянь-Шане и лично увидеть, как она происходит.

...Солнце только поднялось, когда небольшая кавалькада со смехом и шутками выстроилась в рваную линию позади владельца беркута – беркутчи. Белые облака опоясали талию Трех Сестер, скрывая от взглядов их белоснежные макушки, возвышающиеся где-то прямо над всадниками. Возможно, к концу дня пойдет дождь – так обычно бывает на северных склонах Тянь-Шаня, где летом очень часты грозы, а зимой целыми днями сыплет снег, хотя по другую сторону хребта, на расстоянии всего лишь ста пятидесяти миль на юг, стоят громадные Иссохшие горы, где дождь практически никогда не идет.

Пока лошади несут своих наездников по извилистой горной тропе, кто-то начинает петь. При первых звуках песни беркут пошевелился чуть тревожно на запястье хозяина, но его глаза прикрыты колпачком, и он ничего не видит и не может улететь. Кроме того, его достаточно долго держали в неволе, чтобы он доверял своему хозяину. Так что он просто поглубже вонзил когти в кожаную рукавицу, на которой сидел, и сосредоточился на том, чтобы удержать равновесие при неровном шаге лошади.

В подобных счастливых случаях запевала заводит обычно беззаботную песню о любви или балладу, и вскоре к нему присоединяются все. Но порой певец начинает песню, которую сочинил сам – слова, а не музыку, – в этом случае все прислушиваются особенно внимательно в ожидании шутки, которая почти обязательно появляется в каждом стихе, а затем дружно подхватывают припев:

Кай-ли-ли-ля
Вай дун-ия-а-а-а, –

который перекачивается поперек большого ледника до леса на другой стороне сужающейся долины и мечется туда и сюда, пока эхо не утонет в следующей строфе.

– Куда ты ведешь нас? – кричит кто-то сзади, когда компании надоедает пение.
– Мой конь не подкован для езды по леднику – не то время года.

– Разве ты не знаешь, – высказывается другой, – у птицы было в низине столько неудач, что приходится вести нас туда, где зайцы и лисы еще не видали беркута. Иначе птичка не отважится показать свой клюв.

– Да нет же! – говорит третий. – Он хочет поднять нас в облака, чтобы мы даже не рассмотрели эту бедную неумеху.

Беркутчи улыбается, но не отвечает. Всю предыдущую неделю его остроглазые помощники разведывали горные долины, отмечая заранее в уме подходящие места, где в то или иное время дня можно обнаружить лису, а то и волка. И когда они решали, что нашли что-то, то спешили сообщить: «В долине Щебечущих Птиц, за лугом, возле небольшого синего озера, лисица каждое утро через два часа после восхода солнца выводит лисят к воде... В Вороньей долине за час до полудня на открытом пространстве, окружающем высокую сосну, греется на солнце одинокий волк...» – «Насколько крупный волк?» – спрашивает владелец беркута. «Восемь пядей от морды до основания хвоста. Зверь исхудалый, и видно, что шкура в шрамах». – «Неужели я пушу беркута на такое чучело?! Или на лисицу с детенышами? Позор на вас! – кричит беркутчи. – Найдите более достойную добычу, или плохо придется вам обоим!»

И слуги искали снова. Наконец один из них возвратился с вестью, что взрослый волк-одиночка рысит каждое утро через луг у кромки долины, чьи узкие склоны покрыты курумом и низким кустарником. «Вот это хорошо, – кивнул владелец птицы. – Поеду посмотрю». Оказавшись на месте, он точно определил, когда волк появляется, откуда выходит и куда следует. Затем, поднявшись намного выше луга, нашел расселину в камнях, откуда можно запустить беркута в точно выбранный момент, прежде чем волк скроется из вида за валуном. Кроме того, он присмотрел где оставить лошадей, чтобы они оказались вне зрения и нюха хищника, точно рассчитал время, за которое можно достигнуть нужной точки от того места, где лошади будут привязаны, и возвратился домой. Осталось установить день и час начала охоты и пригласить друзей.

Теперь группа добралась до места, заранее выбранного устройтелем этой охоты. Он спешил. Еще звучавшее пение немедленно прекратилось, и участники вылазки последовали примеру лидера. Он указал, куда следует двигаться, и скоро все они словно растворились на фоне склона, поднимаясь бесшумно на высокие точки, удобные для наблюдения за схваткой.

Какое-то время стояла абсолютная тишина, если не считать редких пронзительных криков птицы высоко над ними, или бляения горного козла, или назойливого резкого свиста сурка. И вот на зеленой траве внезапно появляется длинная серая тень, лениво струящаяся вниз по узкой извилистой тропке от отдаленной седловины у начала долины. «О Аллах! – сказали сами себе наблюдатели. – Волк! Не какой-то волчонок, а вполне взрослый самец в расцвете сил. И не спешит никуда, а размах шага каков! Действительно мощный зверь! Пустят ли беркута на такую добычу? Если да, то кто победит в схватке?»

Их сомнения длятся недолго. Беркут, оказавшись без колпачка, взмывает в воздух, оглядывается вокруг и тут же видит волка. Громадная птица, голодавшая два дня, не колеблется, а устремляется вниз, атакуя зверя. Она несется к земле, но не как камень или пуля, а на бесшумных крыльях, – это полет точный, бесстрашный, уверенный и беспощадный. Поскольку волк не подозревал об опасности, беркут смог разом глубоко вонзить свои огромные когти позади его головы. Сваленный набок сильным ударом, зверь переворачивается, скрежеща зубами и скалясь, пытается защититься когтями и зубами, в то время как беркут неистово бьет в волчьи глаза своим изогнутым клювом. В какие-то мгновения борьба закончена. Волк мертв.

Тотчас же среди наблюдателей начинается невообразимая суeta. Все срываются с мест и наперегонки мчатся к своим лошадям. Они спешат так, что некоторые из них даже хватают ртом воздух, хотя это спуск под гору, – тут следует заметить, что казах всегда чувствует себя увереннее верхом, чем стоя на своих ногах. В невероятно короткий срок они вскакивают в седла и несутся галопом к месту схватки, где находят орла, уже с колпачком на голове, и владельца птицы, освеживающего волка. Когда охотник закончил свое дело, то снова снял колпачок с птицы и позволил ей от души насытиться мясом прямо с туши.

– Прекрасная птица, – замечает один. – Вай япырмай! Волк был убит в три минуты! Причем в одиночку, без помощи собак.

– Да, действительно так, – подтверждает кто-то еще. – Какая птица и какой беркутчи! И все-таки посмотрите на размеры волка! Смотрите! Шкура в длину девять с половиной пядей от пасти до хвоста.

– Разве беркут по величине не больше, если от крыла до крыла? – спрашивает ревниво другой, заведомо зная, что не отважился бы пускать собственную птицу на что-нибудь крупнее, чем лиса.

– Даже больше, чем между кончиками пальцев твоих вытянутых рук, – смеется кто-то. – Поистине, если бы этого орла выставить против тебя, я знаю, кто победил бы, будь ты даже вооружен саблей.

– Слова того, кто оставил сустав большого пальца в клюве беркута... – парировать задавший вопрос.

Такое несчастье, хотя и редко, но случается по небрежности. Плененный беркут признает только своего хозяина, который обходится с ним поначалу с преднамеренной жестокостью, а потом, когда птица вышколена, – с большой заботой и вниманием. Так что понимание устанавливается только между ними двумя, и, у человека по крайней мере, оно часто перерастает в настоящую привязанность. Но птица, признавая своего хозяина, остается по отношению ко всем прочим подозрительной, своенравной, непокорной и опасной.

Взрослых беркутов ловят зимой. Охотник сначала плетет силки из белой бечевки, используя двадцать нитей и соединяя каждую петлю с остальными с помощью скользящих узлов. Он кладет эту ловушку на землю и затем, когда первый снег прикроет ее полностью, привязывает рядом живого цыпленка. Цыпленок пищит, беркут налетает на него, а когда начинает подниматься с добычей в когтях, петли затягиваются вокруг его лап, и он становится беспомощным. Охотнику остается быстрее набросить на сопротивляющуюся птицу ткань и обеими руками в плотных рукавицах закрепить колпачок на голове хищника, чтобы он не мог видеть, куда лететь, когда его освободят от ткани и силков.

На стоянке в землю вбивают два кола, между которыми натягивают аркан – веревку. Затем веревку покороче привязывают одним концом к лапе беркута, а другим – к стойке. Веревка, привязанная к лапе, слишком коротка, чтобы позволить несчастной птице спуститься на землю, и она, таким образом, вынуждена сохранять равновесие, сидя на натянутом аркане, чтобы не оказаться висящей вниз головой. В таком положении и с колпачком на голове беркут остается около десяти суток, пока дрессировщик не убедится, что птица слишком утомлена, чтобы улететь прочь. Иногда колпачок снимают и дают беркуту мышь или зайца и чуть-чуть воды: этого мало, чтобы насытить хищника, но достаточно, чтобы поддержать его силы и еще больше разжечь аппетит.

Когда беркутчи уверен, что это уже безопасно, он снимает с птицы колпачок и дает ей посидеть, все так же привязанной, на своем защищенном рукавицей запястье, пока он объезжает вокруг стойбища. Если беркут ведет себя хорошо, он натягивает для него намного более толстую веревку между опорами, чтобы птица могла сидеть на ней, затем пересажает на палку и, наконец, на ветку ближайшего дерева. Но хозяин всегда держит беркута на привязи, поскольку знает, что он может броситься на любого кроме него – что, в общем-то и требуется, поскольку это предотвращает любую попытку украсть птицу. Кроме того, беркут должен оставаться диким, иначе он не будет охотиться.

Наконец наступает великий день, когда владелец беркута поднимает его в горы, чтобы впервые испытать птицу в действии. Он не кормит ее в течение двух дней перед этим и осторожен, выпуская лишь на ту добычу, которая находится не слишком далеко: в этом случае он успеет достигнуть места схватки, прежде

чем птица наестся. Пока он добирается, беркут уже рвет добычу на части и жадно пожирает сырое мясо. Но так как он знает своего хозяина и занят едой, то не улетает, позволяя ему приблизиться. Охотник надевает на птицу колпачок, быстро снимает с животного шкуру – она ему нужна для изготовления одежды – и затем опять отдает тушу орлу. Удивительно скоро птица понимает, что ей всегда позволят есть все, что она добудет, и с того момента устанавливается особая связь между человеком и беркутом, которая длится до смерти того или другого.

Глава 6 ПРОВАЛ КОММУНИСТОВ

Борьба против «краснобородых» то разгоралась, то затухала в Восточном Туркестане в течение нескольких лет, но к 1938 году на Тянь-Шане накал ее снизился достаточно для того, чтобы Хамза смог вернуться в школу, хотя на Алтае ситуация все еще оставалась напряженной.

Оспан с возглавляемой им отобранной группой партизан скрывался в горах, нападая на китайцев всякий раз, когда для этого представлялась возможность, организуя засаду за засадой, пока не стал настоящим кошмаром для своих врагов. Превосходное знание многочисленных убежищ в алтайском высокогорье, где, кроме казахов и монголов, мало кто когда-либо бывал, позволяло ему уходить от захвата, когда китайские отряды шли на него, и наносить им, рассыпавшимся по узким долинам и ущельям, тяжелые потери, как и при неожиданных атаках на открытой местности. Он лично возглавлял в нападениях своих людей, галопом врываясь впереди всех в ряды врагов и ведя огонь прямо от пояса. Нет, он не стрелял, как мог бы кто-нибудь подумать, наугад, а выбирал для первых двух-трех выстрелов офицеров. Его стрельба была настолько смертоносна, что теперь Оспан стал столь же легендарным среди казахов Восточного Туркестана и Турции, как Вильгельм Телль – среди монтаньяров Швейцарии. И он, похоже, прошел через эти бои без единой царапины.

Люди служили Оспану с той преданностью, с какой казахи всегда служат подобному предводителю. Они почитали его как истинного преемника не только Боко-батыра, но и самого Чингисхана. Бесстрашный, беспощадный, рыцарственный, недоверчивый, гордый – он никогда не просил других сделать то, чего не осмелился бы сделать сам. Его последователи чувствовали, что он никогда не отклонится от борьбы за свое дело, никогда не пожалеет ни себя, ни своих врагов, никогда не пойдет на компромисс с противником ли, другом ли, делом или собственной совестью. Но они не понимали, что он появился на подмостках истории слишком поздно – практически на полстолетия позже. Он был уникален как предводитель конницы, но в конце концов вынужден был бросить своих всадников в бой против бронированных автомобилей, танков и самолетов. И даже в этом случае он показал образец достойной борьбы, о чем мы еще скажем.

Тем временем на Тянь-Шане Юнус-хаджи, Баймулла, Калибек и другие казахские лидеры обратились к политике. Сначала это привело к катастрофе. В 1939 году, примерно в то время, когда началась Вторая мировая война, губернатор Шэн, действуя, как обычно, по совету русских, внезапно ослабил свой террор и предложил разрешить казахам назначать местных чиновников, чтобы они

могли сами управлять своими делами, такими как организация школ, налогообложение и распределение пастбищных земель. Многие казахи с готовностью согласились, не понимая, что губернатор Шэн просто подбросил им должности как приманку, так же, как они сами использовали цыплят, чтобы поймать беркута в силки. Когда новые чиновники приступили к своим обязанностям, Шэн стал отправлять к ним тайную полицию и арестовал всех под предлогом, что они являются членами Halk Azadlik Aluremo – Народной партии свободы, само название которой показывает, что она, как и губернатор Шэн, находилась под советским влиянием.

Аресты проходили по привычному для коммунистов сценарию. Поздно ночью группа сотрудников тайной полиции окружала дом или юрту человека, который им был нужен, жильцам кричали, чтобы вышли, что большинство из них и делало не одеваясь, прямо в своей ночной одежде. Затем женщин и детей загоняли обратно, не слишком церемонясь, в то время как обреченного заковывали в кандалы и наручники, не дав ему одеться, бросали головой вперед в ожидавший автомобиль и везли в тюрьму. В некоторых случаях полицейские агенты обыскивали дом, не всегда насилуя женщин и не всегда задумываясь о необходимости подбросить компрометирующие бумаги, хотя и то и другое иногда случалось. Но в то время членство в НПС не было противоправным – в конце концов, эта партия была основана под советской протекцией, поэтому никто не пытался скрыть факт своей принадлежности к ней. Доказательства изменнической деятельности подбрасывались только тогда, когда разыскиваемый считался действительно опасным.

Помимо казахов под облавы попадали и уйгуры, монголы, узбеки и прочие. Но были лидеры, сумевшие избежать этой ловушки, главным образом потому, что оставались в тени в то время, когда менее осторожные их соплеменники приняли за чистую монету предложение губернатора Шэна об участии в управлении. Среди тех, кто остался на свободе, были Калибек, Юнус-хаджи, а также Исмаил-хаджи, землевладелец-уйгур, дом которого был «штаб-квартирой» местных повстанцев при подготовке кампании против «краснобородых». В конце концов Шэн схватил и Исмаила-хаджи. Он был арестован и освобожден, затем снова арестован и замучен до смерти. Двое его соратников: монгол Геген – «Живой Будда» и казах Баймулла получили сердечное приглашение приехать в Урумчи в качестве гостей губернатора Шэна. Как и другие, они поехали, ничего не подозревая, но посреди пышных празднеств, устроенных в честь гостей, вдруг появились палачи и казнили их.

Время лидерства перешло от Баймуллы к Калибеку. Но в 1940 году, примерно в то время, когда пала Франция, его тоже арестовали и доставили в Урумчи, где он находился под домашним арестом восемнадцать месяцев. Все это время китайские стражники сопровождали его всюду, куда он ходил, и проводили ночь в комнате, где спали он и его главная жена. В той комнате была кровать, которую заняли конвоиры. Но Калибек спал на настиле своей юрты всю жизнь, так что это было наименьшим из его испытаний.

Незадолго перед арестом Калибека Юнус-хаджи отправился в Урумчи как делегат конференции, созванной Шэном. Он взял с собой Хамзу, чтобы тот мог продолжить обучение в Урумчи, и Хамза действительно оставался там два года, несмотря на царивший повсюду террор.

На углах улиц заманчиво белели ящики, и людей призывали опускать в них анонимные обвинения. Тайная полиция Шэна не беспокоилась, правдивы или ложны доносы, а потому никто не знал, постучатся в его двери или нет со дня на день или даже с часа на час, чтобы арестовать за проступок, которого, возможно, и не было. После ареста следовали пытки, и попавший в эти сети мучился в поисках ответа на вопрос, кто же мог донести на него. Подозревая кого-то, несчастный, в свою очередь, доносил на него, и цепочка обвиненных по доносу неизбежно росла, вовлекая многие тысячи невинных людей. Калибек и Хамза считают, что только за девять лет террора губернатора Шэна к смерти были приговорены не меньше десяти тысяч человек.

В сентябре 1939 года, прямо перед приездом Хамзы в Урумчи, русские советники Шэна решили, что религиозное обучение в провинции должно быть упразднено. Поэтому в течение двух лет своего пребывания в столице Хамза получал только светское образование. Ему не понравилась эта перемена, однако обвинял он китайцев, а не русских. Впрочем, семена сомнения в отношении русских начали прорастать. Учебники, которыми он пользовался, составлялись при русском содействии, а Советский Союз был коммунистическим государством. Некоторые из его однокашников стали теперь коммунистами, даже кое-кто из казахов. И когда они вышли из школы, тут же получили хорошие места в провинциальном правительстве Шэна. Сообразительный Хамза, по прозвищу Ушар, начал задаваться вопросом, имеет ли коммунизм действительно два разных вида: один китайский – плохой, в то время как второй, русский, – хороший, поддержавший местные национальные группы в борьбе против китайцев, но, с другой стороны, содействовавший злему тирану Шэну, висевшему ярмом на шеях подневольных народов. Или же коммунисты публично говорили «двумя ртами», а тайно преследовали одну цель? И если это действительно так, то какому «рту» верить?

В те дни и правда трудно было определиться, во что верить. Например, хорошее или плохое задумал Шэн в августе 1939-го, когда пригласил все народы, населявшие провинцию, прислать делегатов в Урумчи, чтобы выработать новый основной закон, на основе которого каждому обеспечивалось бы справедливое обращение? Впрочем, это приглашение нельзя было игнорировать, потому что Шэн мог бы сказать: «Ладно, я предложил вам свободу, а вы не приехали, чтобы получить ее».

Именно поэтому приблизительно три тысячи делегатов, и Юнус-хаджи среди них, прибыли в Урумчи в назначенное время и окунулись в роскошь и развлечения за счет губернатора Шэна. Затем, в качестве подготовки к обсуждению и как гарантия (так он сказал), что мероприятие продолжится в атмосфере мира, Шэн велел, чтобы каждый делегат написал своим выборщикам письмо, где указал бы, что все оружие должно быть немедленно сдано правительству.

Я не знаю, сколько делегатов сделали так, как приказал Шэн. Знаю только, что очень немногие из казахов, если таковые вообще были. И даже если бы они сделали это, никто бы не сдал оружие. Как бы то ни было, три тысячи делегатов все еще находились в Урумчи в следующем апреле и так и не приступили к рассмотрению проекта нового основного закона. Тогда, в апреле 1940 года, Шэн арестовал восемнадцать из этих трех тысяч, включая Юнуса-хаджи, и когда делегатам наконец разрешили ехать домой зимой 1940-1941 года, этих восемнадцати с ними не было. И никто никогда позже не видел их живыми.

Был один казах в Урумчи, который, пожалуй, мог бы сказать, что случилось с ними. Он работал водителем грузовика тайной полиции Шэна, и одна из его обязанностей заключалась в том, чтобы вывозить трупы расстрелянных (как правило, в затылок) и вываливать их за чертой города. В дополнение к своему небольшому окладу он зарабатывал значительные суммы, сообщая родственникам без вести пропавших людей, куда он вывез тела их любимых.

В один из жарких летних дней ему случилось перевозить нескольких палачей Шэна, живых – вместо мертвых тел их жертв, когда двигатель заглох в пустынном месте, вдалеке от какого-либо жилья. Пока он, подняв капот, чинил на скорую руку неисправность, что любят делать все водители в Восточном Туркестане, потому что это дает им возможность похвастать своим умением управляться с машиной, девять его пассажиров нашли прохладное местечко в тени и вскоре заснули. Водитель завершил ремонт, подошел к этим девятерым палачам и перерезал одному за другим горла. Совершив это, он вернулся в Урумчи, где сообщил, что грузовик захватила в горах шайка казахских бандитов, которые убили всех пассажиров саблями, но пожалели его, потому что он сам был казахом. Его работодатели послали проверить сказанное, но стервятники и шакалы успели закончить работу, которую начал водитель, так что опровергнуть его слова было невозможно. И работодатели поверили ему, хотя больше никто не верил.

Этого страшного человека звали Кали, и даже его собратья казахи считали его слишком жестоким. Некоторые говорили, что он шпион, потому что работал для Шэна за жалование. Другие возражали: «Если он был шпионом, потому что брал деньги от Шэна, то кем же был он, когда брал деньги за сообщения о том, что сделал Шэн с нашими близкими? И чьим же он был шпионом, когда не взял вообще ничего за убийство палачей Шэна, кроме найденных в их карманах денег, которых наверняка оказалось не очень много?»

У нас будет еще возможность кратко охарактеризовать Кали позже, когда он внезапно появится из ниоткуда в критический момент борьбы казахов. Окажемся ли мы тогда немножко мудрее – другой вопрос.

Хамза, учившийся в школе в Урумчи, когда арестовали брата, не воспользовался услугами Кали. Но как только понял, что Юнус-хаджи мертв, оставил столицу так незаметно, как только мог, и направился обратно в Кызыл-Узень. Хамзе исполнилось девятнадцать, и ему грозила смертельная опасность просто потому, что если тайная полиция Шэна, или, вернее сказать, Погодина, подозревала его старшего брата, то он тоже находился под подозрением. Однако Хамза, к счастью, хорошо знал, что не стоит в школе выражать свое мнение открыто, да и тот факт, что он посещал подконтрольную коммунистам школу и получал там политическое образование, способствовал благосклонному отношению к нему. Так что, хотя он и являлся братом Юнуса-хаджи, он не был арестован и добрался домой благополучно.

Вместо того чтобы ехать напрямиком в Кызыл-Узень, Хамза решил посоветоваться с Исмаилом-хаджи и направился сначала к нему, выбрав момент, когда все три дороги, сходящиеся у дома уйгура, были пусты. Старик был все еще там, хотя и ослабевший и больной от истязаний, которые перенес в руках следователей Шэна. Он посоветовал Хамзе не заходить в Манас, где, как и в Урумчи, на перекрестках установлены белые ящики для анонимных доносов. Поэтому Хамза прибыл с наступлением ночи в собственную юрту на берегу Кызыл-Узеня, и его друзья не-

медленно установили круглосуточное наблюдение за дорогой от Манаса, чтобы вовремя предупредить его, если появятся незнакомцы. Но никто не приходил.

Некоторое время спустя в Манас неожиданно возвратился Калибек. Хамза отправил ему весточку, чтобы узнать, не грозит ли им опасностью встреча, однако друг, который доставил сообщение, по возвращении пребывал в некотором сомнении.

– Он прибыл в Манас как минбаши, капитан тысячи, и получает за это оплату у мясника Шэна, – сказал Хамзе друг. – Значит, надо опасаться, что кытаи подмяли его под себя, и он служит им... Хотя кто осудит его, если выбирать приходилось между принятием их режима и невыносимыми пытками?

– Это базарные сплетни, которые недостойно распространять среди своих, – ответил Хамза презрительно. – Разве не был я в Урумчи, когда мучители Шэна держали его пленником в собственном доме и прерывали даже его молитвы, чтобы он говорил не с Богом, а со своим сторонником, прятавшимся под окном?

– А сам ты не учился разве в китайской школе в это самое время? – спросил друг с подозрением. – Может быть, кытаи и тебя поставили на свой путь, обучая своему языку...

– А может быть, мой брат, Юнус-хаджи, был тоже на содержании кытаев? – прервал Хамза. – Может быть, и арестовали его за это?

– Нет и нет, – сказал друг. – В твоём брате никто не может сомневаться. И ты, разве ты не его брат? Но вот Калибек... Разве не его отец, Рахимбек, был посредником между нашими людьми и кытаями? А сын разве не следует за отцом? И теперь этот сын не обрел ли пост при мяснике Шэне, который забрал твоего брата, а мы разве не знаем, что случилось с ним?

– То, что ты сказал о моем брате, верно, – согласился Хамза. – Но не был ли Калибек представителем туменбаши, капитаном десяти тысяч, в дни нашей борьбы против «краснобородых», перед тем как его взяли в Урумчи пленником? И разве не Калибек известен в провинции как истинный патриот, за которого Шэн назначил выкуп в миллион серебряных таэлей, а народ собрал эту сумму, что казалось невозможным?.. Я должен услышать из его собственных уст, а не из твоих, почему он прибыл в Манас как посланец мясника Шэна.

Посылать опять гонца в Манас Хамза счел неразумным. А вскоре новый минбаши сам прислал весточку, прося Хамзу приехать, чтобы повидаться. Хотя посыльный не сказал ни слова в пояснение приглашения, Хамза отправился сразу. Встретившись, он и Калибек обнялись, прикоснувшись правыми щеками и пожав руки, как обычно они это делали, пробормотали положенные слова: «Аллаху акбар! – Велик Аллах!» – после чего коснулись правыми ладонями своих лба, губ и груди, как принято среди тех, кто следует пути ислама. Оба они были все еще молодыми: Хамзе исполнилось девятнадцать, а Калибеку тридцать четыре. С этого времени их судьбы были неразрывно сплетены.

Убедившись в том, что их никто не подслушивает – а скрытый микрофон еще не появился в той отдаленной части мира, – Калибек рассказал Хамзе о своих планах. Он подчеркнул, что должен действовать очень осторожно. В течение восемнадцати месяцев домашнего ареста в Урумчи его «обучали» днем и нередко ночью. В отношении него фактически не применялось никакого физического насилия – очевидно, Шэн считал его потенциальную ценность слишком высокой и решил использовать иной вид убеждения, а именно – тот, что известен нам теперь.

слишком хорошо по вербовке наших солдат, попавших в плен в Корею. Лекции, проверки, заучивание наизусть длинных высказываний о преимуществах коммунизма, ответы на беспрестанный поток вопросов по коммунистической теории и практике, принудительные «признания» прошлых ошибок – все это и многое другое, имевшее ту же цель, продолжались в течение часов, дней, недель – и восемнадцати месяцев в итоге. Наделенный, как и большинство казахов, великолепной памятью и непроницаемым лицом игрока в покер, Калибек в конечном счете убедил своих наставников, что усвоил все, что они втолковывали ему.

К этому времени Шэн беспокоился из-за того, что происходило за тысячами миль от Восточного Туркестана. То был октябрь 1941 года, и советские войска в Европе безудержно бежали перед победоносными немцами. Сотни тысяч разочаровавшихся русских охотно сдавались в плен в надежде, что Гитлер освободит их от коммунистического террора. Шэн видел, что войска Гитлера с каждым днем приближались к Азии и что советская система, как казалось, начала рушиться.

Вскоре он решился на перемену курса. Это означало принятие новой политики в отношении местных национальностей, с одной стороны, и националистического Китая – с другой. Одним из первых его шагов в этом направлении стала встреча с Калибеком, который прибыл к нему, предполагая, что не вернется живым, поскольку помнил, что произошло с Баймуллой и Гегеном, когда Шэн вроде бы благоволил им, и что случилось позже с Юнусом-хаджи. Но вместо того чтобы получить без предупреждения пулю в затылок, он услышал, что Шэн предлагает ему чин минбаши, равнозначный должности местного управителя Манасским уездом, где он родился. Почти не веря своим ушам и опасаясь, не западня ли это, он спросил, каковы будут его обязанности. Шэн ответил, что Калибек получает свободу рук, чтобы успокоить местных жителей и добиться их лояльности режиму. Калибек знал, что это неосуществимая задача, но то, что ему предлагали, было все-таки лучше, чем домашний арест и бесконечные наставления в Урумчи, и давало возможность организовать противостояние Шэну. Поэтому он согласился.

Усилия Шэна привести в порядок отношения с китайскими националистами, чью власть он отвергал в течение семи лет подряд, были также успешны, и мадам Чан Кайши сама прилетела в Урумчи для присутствия на торжествах, устроенных Шэном в честь воссоединения провинции с Китаем. Коммунизм в провинции Синьцзян теперь отступал полностью. Советское влияние отступало тоже, хотя и не так заметно. Местное население гораздо медленнее, чем Гомиьндан, принимало отречение Шэна.

Однажды Калибек попросил Хамзу срочно приехать к нему в Манас. Обменявшись с прибывшим юношей обычными мусульманскими приветствиями, Калибек тщательно запер дверь и окна своего дома. Хамза, как полагается, ждал, чтобы сначала заговорил старший.

– Брат Шэна мертв, – сказал ему Калибек. – Его задушили. Жену Шэна тоже.

– Такова воля Аллаха, – произнес Хамза. – Хвала Ему... Но как же спасся сам Шэн? Разве его злодеяния не серьезней, чем у брата или женщины?

– Это, конечно, так, – согласился Калибек. – Но, возможно, он просто был осторожнее.

– Пусть Всевышний приблизит день расплаты, – с чувством взмолился Хамза. – Он – убийца сотен тысяч. Таким Господь отказывает в милосердии навеки.

Брат самого Мао Цзэдуна, китайского коммунистического вождя, был в это время должностным лицом при Шэне и умер таким же образом в 1942 году. Сам Шэн оставался губернатором еще год. Затем его пригласили назад в Чунцин на пост министра сельского хозяйства в центральном правительстве. Ни Калибек, ни Хамза не смогли мне сказать, как долго он продержался на этом месте. Сказали только, что через некоторое время он исчез. Но это история не о Шэне, так что теперь мы можем расстаться с ним.

В течение этих двух лет Калибек, официально будучи на службе у Шэна в качестве минбаши Манаса, тайно отдавал всю свою энергию созданию казахского национального движения и обретению друзей, независимо от национальности – уйгуров, монголов и других, которые действовали аналогично. Его цель, как и их, состояла в том, чтобы обрести независимость Восточного Туркестана через политическое сотрудничество, от которого не отлучались даже китайцы, если они были готовы поддержать идею местного самоуправления. В то же время Оспан-батыр на Алтае пробивал свой путь к свободе силой оружия, нимало не заботясь о том, коммунисты перед ним или националисты – он боролся против всех китайцев. Тем не менее он и Калибек постоянно поддерживали связь, главным образом через Хамзу, хотя их пути в тот период шли отнюдь не параллельно.

На этом фоне советское правительство, несмотря на войну с Гитлером, все еще находило время и средства подстрекать казахов, уйгуров и монголов против китайцев, а китайцев – против местных жителей. Но его влияние неуклонно падало по обоим направлениям, и это продолжалось даже после коронной победы Сталина под Сталинградом, переломившей ход войны и развернувшей фронт прочь от азиатской части российской империи. В 1943 году была распущена Антиимпериалистическая лига, учрежденная Шэном по приказу Москвы в целях ослабления британского влияния, и впервые в истории по просьбе китайского правительства в Урумчи были открыты британское и американское консульства.

Многие казахи поначалу не знали, как отнестись к уменьшению влияния России. В течение многих лет они рассчитывали на поддержку России в своем национальном движении против китайцев, в том числе против основ коммунизма, которые китаец Шэн буквально пытался закинуть им в глотки. Советские агенты старательно внушали им, что русские – это друзья. Именно из Советского Союза они получали, пусть и через китайских торговцев, такие товары, как чай, сахар, табак, в обмен на излишки скота, шерсти и шкур. Казахи, как и другие местные народности, были в дружеских отношениях с русскими водителями грузовиков и инженерами, которые использовали и обслуживали дороги. И они были гораздо более благожелательны к русским гарнизонам, которые ненавязчиво разместились во многих городах, чем к китайским «краснобородым». Когда в 1943 году советские гарнизоны были выведены, многие опасались, что их уход приведет к новому террору «краснобородых». Прошло еще три года, прежде чем они поняли, что русские прибыли главным образом для того, чтобы закрепить коммунистический хомут на их шеях, и что коммунизм и «краснобородые» были, по существу, одним и тем же.

Поэтому в 1943 году, когда из Чунцина прибыл преемник Шэна У Чжунсинь, большинство казахов приняли его холодно, хотя он привез обещания реформ и лучшего обращения. Шэн титуловался дубанем, или военным губернатором. У Чжунсинь назвался просто – председатель провинции. Он имел английское

образование и был известен больше как Чосер У. Он заявил сразу, что прибыл, чтобы предоставить каждой народности – казахам, уйгурам, монголам, узбекам местную автономию под управлением должностных лиц по их собственному выбору.

Хамза был одним из тех, кто отнесся к его декларациям серьезно. Он только что опубликовал брошюру, в которой гневно осуждал коммунизм. Полный надежд и энтузиазма, он сразу же стал стремиться к власти. Как один из немногих казахов, свободно говоривших и писавших по-китайски, он был, или должен был быть, незаменим для обеих сторон.

Хамза негодовал из-за преступлений, совершенных китайскими коммунистами, особенно «краснобородыми», против народа Восточного Туркестана. Он гневно осуждал их за надругательство над древними неписаными законами гостеприимства, когда они убивали гостей, которых только что угощали едой и питьем, и убивали хозяев, к которым сами пришли как гости. Он обвинял их за воровство под предлогом сбора налогов; за то, что подстерегали и убивали путешественников ради мелкой наживы; за то, что подвергали людей не поддающимся описанию пыткам с целью получения денег или информации; за то, что принимали и фабриковали ложные свидетельства против невинных людей. В завершение он призвал своих соотечественников стереть с лица земли всех китайских коммунистов.

Брошюра Хамзы фактически была энергичным призывом к действиям против коммунизма. Его не увлекла коммунистическая теория, о которой он судил по ее плодам. При этом он пока не понял, что спустя девять лет правления губернатора Шэна эти плоды все еще далеки от зрелости.

Другие казахи, кроме Хамзы, встали на сторону председателя У в надежде построить здание свободы Восточного Туркестана мирным путем. Вследствие этого в нашем повествовании начинают появляться новые и странные имена. Поскольку большинство из них совершенно неизвестны за пределами Центральной Азии, я постараюсь не вводить их больше, чем это абсолютно необходимо. Однако этих новых персонажей не назовешь незначительными, поскольку они держали в своих руках судьбу страны, огромной, как Великобритания, Франция и Германия вместе взятые, хотя жителей в ней насчитывалось самое большее 8 000 000 человек. Нельзя утверждать это слишком категорично, так как судьба Восточного Туркестана в конечном счете решалась в Москве и Нанкине. Но его народ приблизился к тому, чтобы самому вершить свою историю.

Пока политические деятели, особенно китайцы, вели переговоры в Урумчи, Оспан сражался. Подвигами в защите своего народа от «краснобородых» он заслужил звание батыра, которое теперь повсюду следовало за ним. Благодаря исключительно его усилиям Алтай был практически очищен от китайцев, и 22 июня 1943 года алтайцы, как монголы, так и казахи, провозгласили Оспана своим ханом, таким образом объявив его законным преемником великого Чингисхана и, очевидно, осуществляя предсказание Боко-батыра, что он является одним из избранных Аллаха, призванных вести свой народ к свободе.

Оспан-батыр принял титул хана на специальной церемонии в Булгуне, где сходятся три дороги, ведущие на Алтай из СССР, Монголии и Урумчи. Через Булгун течет река к соседнему озеру, на берегах которого раскинулись прекрасные пастбища для многочисленных отар и стад кочевников. Без сомнения, это место

выбрали потому, что делегаты приехали не только из Восточного Туркестана, но также из СССР и Монголии.

Монголов представлял маршал Чойбалсан, глава коммунистической республики Внешняя Монголия. Двое представителей из СССР были высокопоставленными лицами из Казахстана. Всех троих сопровождала внушительная охрана, что, очевидно, отражало намерение поразить Оспан-батыра мощью и щедростью Советского Союза.

Маршал Х. Чойбалсан и Оспан-батыр. 1943 г.

Чойбалсана описали мне как круглолицего, довольно полного человека среднего роста, чисто выбритого и одетого не в обычно принятую маршальскую форму, а в длинный оранжевый халат из шелка, который облегал его от шеи почти до лодыжек и придерживался поясом-кушаком. Как было принято у знатных монголов в те дни, он носил на голове своеобразную высокую мужскую фетровую шляпу – хомбург, изготовленную в Англии и доставленную в Центральную Азию через базары Калькутты. Индийские купцы обычно везли свой груз на верблюдах через Непал в Лхасу, а на тибетско-синьцзянской границе местные торговцы перекупали его. Прежде такие сделки заключались в Хотане и других городах Восточного Туркестана, но коммунисты закрыли границу в 1939 году. Купцы, перекупившие шляпы у индусов, везли их, снова на верблюдах, в Монголию.

Два казаха, которых звали Кассин (Касым? – Р. П.) и Султан, были одеты почти так же, как сам Оспан-батыр, за исключением того, что мягкий бархатный тымак – высокая шапка-треух, красовавшаяся на голове каждого, не была увенчана у них изысканным пучком перьев филина, поскольку он не являлся символом казахского

племени найман, к которому эти делегаты принадлежали, да еще шире была на тымаках опушка из мягкого лисьего меха. Однако у всех троих эти подбитые мехом треухи были одинаково подвязаны под подбородком, и не было особых различий между их длинными, с меховой подкладкой шубами из шелковой парчи, украшенной изящной вышивкой. Все трое казахов носили в узких черных кожаных ножнах длинные изогнутые сабли. Выкованные из прекрасной стали, инкрустированные серебром и золотом, подобные дамасским мечам, но работы казахских кузнецов которые с незапамятных времен переходили от одной стоянки к другой в поисках покупателей своих изделий, изготовленных примитивными инструментами, но с изумительным мастерством, – эти сабли передавались из поколения в поколение. Казахские вожди надевали свободные калоши поверх своих высоких, по колено кожаных сапог. Из-за этого их походка казалось несколько небрежной. Однако они вовсе не выглядели неряшливо одетыми, когда прибыли верхом в сопровождении телохранителей – пятидесяти или шестидесяти вооруженных мужчин, одетых так же прекрасно, как и их вожди, но чуть менее богато.

Церемония встречи четырех знатных особ и их свит оказалась продолжительной процедурой, несколько осложненной тем фактом, что Чойбалсан не был мусульманином. Он был буддистом, так что трое казахов не могли приветствовать его так, как они обычно встречают друг друга: «Салам алейкум – мир вам!» – «Ва алейкум эс салам – и вам мир!» Другие шестнадцать традиционных формул приветствия тоже основывались на казахской исламской традиции. Поэтому им нужно было сказать Чойбалсану нечто учтливое, но неопределенное, типа: «Благополучно ли вы доехали?» и «Хорошо ли себя чувствуете?» Наконец Оспан-батыр жестом пригласил Чойбалсана в огромную церемониальную юрту, в которой должна была пройти их встреча и, после нее, торжественный обед.

– Главного гостя прошу войти первым, – сказал он вежливо. – Проходите, будьте добры.

– Нет! Нет! – энергично возразил Чойбалсан. – Пусть сначала войдут более достойные, – указал он на казахов.

– Не бывать тому, чтобы я вошел первым, – ответил Кассин, как старший из двух казахских гостей. Его спутник, Султан, мгновение спустя, эхом повторил эти слова.

После долгих переговоров Чойбалсан позволил обоим казахам взять себя под руки и сопроводить с улыбками в юрту. К счастью, двери юрты оказались достаточно широки, и, вероятно, входившие постарались не задеть створок, чтобы избежать неудачи в переговорах. Впрочем, не исключено, что в этом случае они все же коснулись створок.

В то время как эти четыре вождя совещались, юрту охраняли вооруженные люди. Но прежде чем начались переговоры, слуги Оспан-батыра подали традиционный чай и солоноватый хлеб. Все шумно пили странную смесь чая, молока, соли и масла на русский манер – вприкуску, зажав в зубах кусочек сахара, чтобы жидкость впитала сладость, прежде чем они проглотят ее. И каждый из них, перед тем как закурить свою русскую сигарету, сгибал ее, чтобы сухой табак не высыпался.

В прессе не появилось никакого официального сообщения о том, что происходило за толстыми войлочными стенами юрты Оспан-батыра в Булгуне, так что перед вами и в самом деле первая публикация отчета об этом событии.

Чойбалсан, коммунист по должности, хотя и не обязательно по убеждению, вначале тепло поздравил хозяина с успехом в деле освобождения их – казахского и монгольского – Алтая от китайцев. Он деликатно проигнорировал тот факт, что китайцы, которых Оспан-батыр изгнал, находились на службе коммунистического губернатора Шэна, марионетки советского правительства. Затем Чойбалсан предложил Оспану не останавливаться на фактической независимости, которой он достиг, а провозгласил независимость Республики Алтай в печати, объявив себя ее первым президентом. Он намекнул – очень осторожно, – что советское правительство, возможно, позволит ему присоединить к новому государству Алтайскую область Сибири, добавив, что оно, конечно, даст Осману любое оружие и другую помощь, какая понадобится, чтобы обезопасить новую республику от любой агрессии со стороны китайских националистов. Монгол тонко добавил, что, если Алтай станет независимым, его обширные ресурсы могли бы использоваться исключительно для выгоды алтайцев, среди которых казахи и монголы составляют значительное большинство. Но он не считал необходимым упомянуть, что, поскольку новая республика будет полностью окружена сушей, ее торговля будет всецело зависеть от милости правителей Советского Союза, в то время как Китай, естественно, откажется признать право Алтая на независимость и всей своей мощью постарается задушить его торговлю с внешним миром.

Оспан-батыр огладил бороду, но ничего определенного не ответил. Однако было ясно, что идея привлекла его. Это правда, что он изгнал китайцев. Наверное, приятно было чувствовать, что родина Чингисхана теперь принадлежит ему, и он может делать с ней все, что захочет, а будет ли он называться президентом, ханом или императором, значения не имеет. Разве Чингисхан не завоевал половину известного мира, после того как стал хозяином Алтая, являющегося теперь, как и тогда, осью, вокруг которой вращается Земля – неважно, шарообразная она или плоская? Если Чингисхан совершил это, то почему Оспан не может? И разве не это предсказывал Боко-батыр?

Теперь, на высшей точке своей карьеры, Оспан-батыр был удивительно похож на Генриха VIII с портрета Гольбейна Младшего, хотя в лице его не было надменности и признаков высокородия, присущих Королю Блефа Хэлу³. Ростом чуть выше шести футов, широкоплечий, короткошей, темнокожий, с глубокими морщинами между полузакрытыми глазами – весь его облик говорил о том, что это человек деятельный и решительный, не занимающийся пустяками, подозрительный, самоуверенный, безжалостный и бесстрашный; человек, которому верят и друзья, и враги; человек, имеющий цель жизни и обладающий волей достичь ее, но без личных амбиций.

Такие люди по своей природе более осторожны в словах, нежели в бою. Поэтому, когда Чойбалсан закончил живописать яркую картину того, как будущее станет принадлежать ему, Оспану, если он доверится великодушью Сталина, Оспан все же не дал никакого определенного ответа. Чойбалсан продолжил рассказывать об огромном количестве потребительских товаров, которые, по его словам, Советский Союз держит по ту сторону границы, чтобы обменять их на шкуры, шерсть, скот и рудные богатства Алтая сразу, как только появится уверенность, что выгоду от обмена получают алтайцы, а не китайские империалисты. Он добавил, что устранение китайского влияния позволило бы казахам и монголам

³ Уменьшительная форма имени Генрих. – Прим. пер.

Алтая самостоятельно управлять собственными делами без вмешательства Китая. Это было веским аргументом: между двумя кочевыми народами шли постоянные споры о праве выпаса.

Оспан, возможно, подумал, что Кассин и Султан, прибывшие из советского Казахстана, имеют больше прав говорить о наличии потребительских товаров в их стране. Однако они сохраняли невозмутимость, и, когда Чойбалсан порой обращался к ним за подтверждением своих высказываний об СССР, они лишь кивали согласно головами. Но той ночью, по окончании застолья, когда гости собирались расходиться, Кассин шепнул хозяину, что хотел бы поговорить с ним наедине, когда Чойбалсан будет достаточно далеко.

Вероятно по религиозным соображениям, юрты, занятые монголами, находились на удалении от юрт, занятых мусульманами, так что у Кассина не возникло трудностей в организации тайного посещения Оспана в темноте. Когда эти двое встретились, стало очевидно, что Кассин растерян. Как и Чойбалсан, он получил инструкции от советского правительства, перед тем как отправиться к Оспану-батыру с официальным визитом за пределы советской территории. Но он был казахом, и не только; он фактически был внуком казахского героя Аблай-хана, который боролся против русских в начале девятнадцатого столетия и много лет успешно сопротивлялся, прежде чем они сумели одержать победу. Так что Кассин решил помочь Оспан-батыру понять, какая ложь скрывается под красивыми словами, произнесенными Чойбалсаном.

Двое мужчин сидели и разговаривали так тихо, чтобы их слова не проникали сквозь толстые войлочные стены, и Кассин раскрыл горькую и постыдную историю о нарушении Советами обещаний, данных 3 500 000 казахов: как красные в дни борьбы с белыми в начале российской революции выдавали себя за защитников малых народов, таких как казахи, но отказались от своих слов, едва только царская опасность была преодолена, и развернули русификацию казахов и других азиатских народов советской империи. Затем он рассказал, как надежды казахов воскресли было, когда Ленин ввел в 1923 году новую экономическую политику, потому что она предлагала безопасность не только мелким крестьянам, но также и кочевникам, занятым в животноводстве. И опять, всего пять лет спустя, кочевники обнаружили, что им солгали: у них отбирали скот, презрев свои предыдущие обещания, вынуждали изнывать в колхозах и в рудниках под землей, вместо того чтобы дать возможность бродить как свободным людям на свежем воздухе под небесами. Примерно в это же время советские власти начали лишать мусульман права изучать и знать свою религию, стремясь превратить детей в безбожных доносчиков, которые сообщают о родителях, если те продолжают молиться по обычаям своих предков; пытались также уничтожить казахский язык и разрушить вековые устои, унаследованные казахами от своих предков, включая самого Чингисхана.

В завершение Кассин сказал Оспану, что казахи при советской власти никогда не видели того огромного количества потребительских товаров, которое, по словам Чойбалсана, только и ждет, чтобы хлынуть в Алтай. На самом деле, они стали не богаче, а намного беднее, потому что советское правительство отобрало у них скот и средства к существованию, назвав их кулаками – богатыми крестьянами, хотя они вовсе не хотели быть крестьянами, а хотели оставаться кочевниками и пастухами.

Оспан-батыр, как обычно, говорил мало. И когда Кассин замолчал, наступила тишина, и Оспан сказал:

– Поистине я услышал сегодня слова потомка своих предков. Но если русские помнят твое родословие, это может стать гибельно для тебя, когда ты вернешься обратно... Здесь всего достаточно, и даже в избытке, для двоих, если ты захочешь остаться.

– Жить человеку или умереть – на все воля Аллаха, – ответил Кассин. – И разве я не слуга своего народа, так же как и предводитель его? Кто я, чтобы остаться в безопасности и покинуть народ в злые времена?.. Бог вознаграждает того, чьи мысли достойны, и Он вознаградит тебя.

Через некоторое время гость поднялся, чтобы идти, Оспан пожелал ему идти с миром, и воодушевленный Кассин возвратился в свою юрту.

На следующий день Чойбалсан добивался от Оспан-батыра благоприятного ответа на свои предложения, но Оспан отмалчивался, и переговоры закончились безрезультатно.

После завершения переговоров начались спортивные игры. Отдельные чемпионы обеих национальностей проводили борцовские поединки между собой. Полуобнаженные соперники хватались обеими руками за белбау – тканевый пояс и толкали или дергали за него друг друга, пытаясь повалить; или же они обхватывали друг друга за плечи, наклонившись вперед под прямым углом от талии. Победителем считался тот, кто вынуждал противника разомкнуть захват белбау или плеч, независимо от того, коснулись лопатки побежденного земли или нет. Поединок судили зрители, которые в возбуждении метались туда-сюда, выкрикивали громко советы или предостережения, ободряя или упрекая борцов. Но хотя азартные зрители находились почти в таком же напряжении, как и борцы, судили вообще-то справедливо, поскольку правила были просты.

Иногда боролись верхом. Но правила оставались почти такими же. Тот, кто первым вынужден был разомкнуть свой захват, проигрывал. В таких состязаниях требовалась хорошая лошадь, потому что обе руки наездника были заняты более важными вещами, чем поводья. Но и казахские, и монгольские лошади обладают почти сверхъестественной способностью предугадывать движения хозяина, и, если они чувствуют, что он заваливается набок, тотчас же пытаются спасти его.

Еще больший азарт, чем борьба, вызвали скачки. В скачках участвовали от тридцати до сорока соперников, каждый из которых заранее выставил на показ свою лошадь, кто-то даже за три дня до забега. Стартовая площадка находилась в травянистой долине, свободной от камней, а «скаковая дорожка» тянулась вверх, временами весьма круто, на расстояние около пяти миль. Зрители тоже были верхом и ожидали в возбуждении у старта. Как только гонка началась, они устремились вслед за участниками, и, говорят, некоторые из зрителей достигли финиша раньше соревнующихся. Призом послужила серебряная ямба, или «башмак» («копыто»), – монета⁴, пользовавшаяся большим спросом у девушек, которые пришивают их к платкам, укрывающим после замужества головы и плечи.

Небольшим перерывом между серьезными спортивными схватками было своеобразное верховое состязание между девушкой и юношей. Девушка взяла кнут, юноша встал в нескольких метрах от нее. По команде Оспана юноша галопом

⁴ Ямба не монета, а слиток, напоминающий копыто, – по объему конское или овечье, оценивавшееся по весу. Монеты (но не ямбы) действительно использовались и как украшения. – Прим. пер.

помчался прочь, а девушка пустилась за ним. В таких состязаниях конь девушки обычно немного резвее, так что юноша может уберечься от ее кнута только благодаря превосходству в искусстве верховой езды и хитрости. Он постоянно совершает внезапные, неожиданные повороты, пытаясь обмануть соперницу, чтобы она подумала, что он скачет в одну сторону, когда он уже мчится в другую. Или внезапно прижимается к боку лошади, свисая почти под ее брюхо, в надежде, что кнут не достанет его, когда девушка пронесется мимо.

В этих состязаниях призов нет. Девушка знает, что если она сумеет стегнуть юношу кнутом по плечам, то добьется редкого успеха. И молодой мужчина знает, что зрители будут глумиться над ним, если ему не удастся ускользнуть от удара, а его товарищи будут почти ежедневно дразнить его до самой смерти, если он однажды не смоет этот позор, проявив необычную храбрость или силу.

Еще одним развлечением был танец. За редким исключением – во всяком случае среди мусульман – присутствующие сочли бы любую женщину, решившуюся танцевать на публике, безнравственной, и традиционные казахские танцы, как правило, исполняются мужчинами. Обычно в танце рассказывается какая-то история, например, о рождении и взрослении животного. Но на этом празднике, несомненно, главным представлением стал танец самца козули. Исполнитель этого сольного номера должен танцевать все время на голове, балансируя руками. Он крутится и изгибает туловище и ноги в такт музыке, напрягая мышцы шеи и плеч, чтобы стоять только на голове, без помощи рук, и подчиняясь ритму. Один из казахских беженцев в Турции исполнял для меня в Девели этот танец под аккомпанемент Карамуллы на домбре. Танцор был пожилым мужчиной, и силы его шейных мышц не хватило, чтобы он смог устоять на голове. Однако он показал себя в танце вороного жеребца, который похож на предыдущий, но выполняется на ногах.

После спортивных состязаний торжества продолжались, а на следующий день Чойбалсан, Кассин и Султан отбыли каждый своей дорогой. Вскоре после того как Кассин и Султан вернулись к себе домой в советский Казахстан, тайная полиция Берии арестовала их. Спустя несколько месяцев Кассин был казнен, а Султана освободили.

Продолжение следует

